

Воздух в винной лавке словно застыл.

Двое заклинателей, скованные невидимой силой, замерли на месте. Кровь отхлынула от их лиц, а в глазах застыли ужас и отчаяние. Цзян Шуин даже не обернулась, она лишь безмятежно смотрела на госпожу Юй за стойкой, словно усмирение двух мастеров стадии Зарождения Души было для нее не сложнее, чем стряхнуть пылинку с рукава.

Линь Юньсю, стараясь унять сбившееся после поспешного отступления дыхание, потянула за собой все еще пребывающего в шоке Чжао Мина. Она отошла на несколько шагов назад, не отрывая взгляда от происходящего. Ее поразила непостижимая мощь Цзян Шуин, но еще больше ее беспокоила реакция госпожи Юй. Эта загадочная хозяйка лавки явно была давно знакома с Цзян Шуин, и их отношения казались весьма непростыми.

Столкнувшись с безмолвным давлением Цзян Шуин, госпожа Юй медленно сбросила с лица сложную улыбку, сменив ее на выражение вынужденной покорности. Она взглянула на застывших заклинателей и едва заметно покачала головой:

— Госпожа Цзян обладает божественной силой, стоит ли опускаться до разборок с подобными ничтожествами? Они... всего лишь исполняют чужую волю.

— Чью волю? — спросила Цзян Шуин. Ее голос звучал ровно, без тени эмоций, но от этого спокойствия становилось еще страшнее, чем от любого гневного окрика.

Губы заклинателей задрожали, они явно хотели что-то сказать, но неведомая сила сжала их горла, позволяя лишь издавать хриплые, невнятные звуки. Страх в их глазах стал еще сильнее.

Госпожа Юй вздохнула и вытянула тонкий палец, указывая на едва заметный, замаскированный под декоративный узор знак на их поясах. Рисунок напоминал гору, окутанную туманом, и веял древним, властным величием.

— Отступники Тайхуа, или, если быть точнее... приспешники тех, кому не сидится на месте, — в голосе госпожи Юй проскользнула ирония. — Госпожа должна узнать этот знак.

Тайхуа!

Сердце Линь Юньсю дрогнуло. Неужели могущественная секта Тайхуа, одна из первых в мире совершенствующихся? Те, кто использует гнусную технику Пожирания Душ, связаны с Тайхуа? Как павильон Цюньсяо оказался замешан в дела этой секты? Ее прошиб холодный пот. В голову пришла смутная догадка: неужели исчезновение отца связано с враждой между павильоном Цюньсяо и сектой Тайхуа?

Взгляд Цзян Шуин, скрытый за белой вуалью, на мгновение задержался на горном узоре. Линь Юньсю не видела ее глаз, но почувствовала, как температура в помещении упала еще на несколько градусов.

— Секта Тайхуа... — тихо повторила Цзян Шуин. В ее холодном голосе впервые прорезались едва уловимые, ледяные нотки. — Они стали слишком далеко протягивать свои руки.

Она не стала больше допрашивать заклинателей, словно уже получила от них всю нужную информацию, или же вовсе не придавала значения словам исполнителей. Она перевела взгляд на госпожу Юй:

— Кажется, ваш Печальный ветерок стал для них лучшим прикрытием.

Госпожа Юй осталась невозмутимой и прямо ответила:

— У вина нет ни добра, ни зла, все зависит от того, кто его пьет. Я держу здесь лавку, продаю вино и не спрашиваю, откуда приходят гости и что они собираются делать. Таков закон пограничного города и мой способ выживания. Полагаю, госпожа Цзян меня поймет.

— Понимаю, — сухо ответила Цзян Шуин, не выражая ни гнева, ни одобрения. — Но раз павильон Цюнсяо взялся за это дело, мы не позволим подобным злым искусствам вредить людям. Я забираю их с собой.

Госпожа Юй слегка поклонилась:

— Как пожелаете. Надеюсь лишь, что вы не нарушите покой моего скромного заведения.

Цзян Шуин больше ничего не сказала, лишь едва заметно взмахнула рукавом. Скованные заклинатели, словно на невидимой привязи, покорно двинулись за ней следом. До самого конца она не удостоила Линь Юньсю и Чжао Мина даже взглядом, будто они были лишь бездушными предметами обстановки.

— Чего застыли? — раздался холодный голос, адресованный Линь Юньсю и Чжао Мину.

Оба словно очнулись от сна и поспешили следом. Перед выходом из лавки Линь Юньсю не удержалась и оглянулась. Госпожа Юй уже снова протирала винные сосуды, и ее силуэт в полумраке казался таким одиноким, будто ничего только что и не происходило. Лишь странный горьковатый аромат вина по-прежнему висел в воздухе, словно безмолвный вздох.

Путь до временного пристанища был полон гнетущего молчания. Чжао Мин несколько раз пытался заговорить, но невидимая аура Цзян Шуин заставляла его замолкать, и он лишь тревожно плелся позади. Линь Юньсю же терзали мысли, в голове эхом отдавалось словосочетание отступники Тайхуа.

Зачем секте Тайхуа нападать на жителей пограничных деревень? Вытягивать жизненные силы и души у простых людей — чем это отличается от пути демонов? И как это связано с павильоном Цюнсяо? А холодная неприязнь Цзян Шуин к Тайхуа — откуда она берется?

Она чувствовала, что стоит на краю огромного водоворота, и исчезновение отца, скорее всего,

находится в самом его центре.

Вернувшись, Цзян Шуин передала побледневших заклинателей под стражу людям городского главы, не став допрашивать их лично. Казалось, она уже знала, кто стоит за кулисами, и этот арест был лишь жестом, предупреждением секте Тайхуа о том, что их выходки не останутся без внимания.

Наступила ночь. Звезды ярко сияли на ясном небе. В пограничном городе было очень холодно, ветер завывал, проносясь мимо глинобитных домов.

Линь Юньсю лежала на жесткой кровати, но сон не шел. События дня, особенно упоминание Тайхуа, крутились в голове, словно заклятие. Она поднялась, накинула верхнюю одежду, тихо приоткрыла дверь и вышла во двор, надеясь охладить мысли в ночной прохладе.

Двор заливал лунный свет, серебра все вокруг. Под сухим старым деревом одиноко стояла белоснежная фигура. Она смотрела на одинокую луну в небе, и белая вуаль слегка колыхалась на ветру.

Это была Цзян Шуин.

Она словно почувствовала движение, но не обернулась, лишь негромко произнесла:

— Не спится?

Линь Юньсю замерла, сердце сжалось. Она почтительно ответила:

— Да, наставница... меня терзают сомнения, не могу уснуть.

— Из-за дел Тайхуа? — Цзян Шуин сразу угадала причину.

Линь Юньсю помедлила, решив воспользоваться моментом:

— Да. Я слышала, что секта Тайхуа — прославленная школа праведников. Почему же их ученики... творят такие темные дела? И как они связаны с нашим павильоном Цюньсяо?

Это был первый раз, когда она задала столь прямой вопрос о Тайхуа, и сердце ее невольно забилось чаще.

Цзян Шуин медленно повернулась. В лунном свете ее кожа казалась прозрачной, словно выточенной из льда. Она не ответила сразу, а спросила в ответ:

— Как ты определяешь, что есть добро, а что зло?

Линь Юньсю подумала и ответила, исходя из того, что знала Бай Лу:

— Тот, кто защищает людей — праведник, а тот, кто губит живое — злодей.

— А если под личиной защиты совершаются преступления? — голос Цзян Шуин был холоден, как лунный свет. — А если люди — лишь пешки, а все сущее — лишь прах?

Линь Юньсю лишилась дара речи. Она вспомнила учение горы Сюаньцзин: зеркало сердца отражает истину, а добро и зло в мире — лишь иллюзия, зависящая от занимаемой позиции. Сейчас слова Цзян Шуин казались ей пугающе созвучными этому учению.

— Именитые школы не всегда полны света. И малые секты не всегда порочны, — голос Цзян Шуин оставался спокойным, но каждое слово отдавалось в сердце Линь Юньсю. — Пути павильона Цюнсяо и секты Тайхуа давно разошлись. Истинные причины этого не для ушей новых учеников.

Ее слова вновь пресекли расспросы, но в то же время косвенно подтвердили, что в прошлом между павильоном Цюнсяо и Тайхуа действительно была связь.

— Простите за дерзость, — опустила голову Линь Юньсю.

Цзян Шуин больше ничего не сказала и снова отвернулась к холодной луне. Прошло время, и когда Линь Юньсю уже решила, что разговор окончен, и собиралась тихо уйти, она снова услышала ее голос — теперь более низкий и полный невыразимого одиночества:

— В этом мире видеть слишком ясно — порой тяжкое бремя.

Линь Юньсю замерла, глядя на ее спину. Лунный свет очерчивал стройный силуэт, а тонкая вуаль на глазах казалась в ночи особенно приметной. Видеть слишком ясно? Означает ли это ее способность видеть нити судьбы других людей? Какую боль и муку приносит ей этот дар?

В тот миг в сердце Линь Юньсю к страху и любопытству по отношению к загадочной старшей наставнице примешалось что-то еще — едва уловимое сочувствие. Разве она сама не несет бремя тайны, пытаясь докопаться до истины об исчезновении отца?

— Старшая наставница... — невольно позвала она, не зная, что добавить.

Цзян Шуин слегка повернула голову, и вуаль в лунном свете мягко блеснула.

— Ночь холодная, иди отдыхай, — наконец произнесла она. — Завтра нам предстоит очистить жителей деревни от Пожирания Душ.

Сказав это, она словно растворилась в лунном свете, исчезнув в глубине двора.

Линь Юньсю осталась стоять под холодным светом луны, чувствуя, как внутри все смешалось. Заговор Тайхуа, скрытность Цзян Шуин, загадка исчезновения отца и странные, сложные чувства к самой Цзян Шуин — все это переплелось, подобно ночному ветру, ледяному и тревожному.

Она посмотрела на одинокую луну, пытаясь сквозь ее сияние увидеть очертания далекой горы Сюаньцзин. Папа, где же ты? Какая связь между тобой и этой враждой павильона Цюнсяо и секты Тайхуа?

Никто не мог дать ей ответа. Лишь аромат вина Печальный ветерок, казалось, преодолел время и пространство, все еще витая у нее в носу, напоминая своей горчинкой о том, что мир совершенствующихся куда более коварный и непредсказуемый, чем она могла вообразить. А Цзян Шуин была в этом тумане и маяком, и, возможно, самой густой его частью.

<http://bllate.org/book/19401/1899873>